

**ПОТОКОЦЕНТРИЧНАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СТАБИЛЬНОСТИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ:
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД НА ОСНОВЕ НОРМАТИВНО-ЭТАЛОННОЙ ЛОГИКИ****В.М. Саврадым**Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Севастопольский филиал, Севастополь,
email: balvik@inbox.ru

Аннотация. В статье представлена авторская методика интегральной оценки стабильности финансовой системы, основанная на потокоцентричной парадигме и нормативно-эталонной логике. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на измерение рисков или устойчивости отдельных сегментов, предложенная модель оценивает способность системы к воспроизводству трёх ключевых типов денежных потоков: операционных (фискальная подсистема), ликвидностных (денежно-кредитная система) и инвестиционных (система финансового рынка). Методика включает нормировку индикаторов относительно экономически обоснованных пороговых и критических значений, функционально-эмпирическое обоснование весов и иерархическую агрегацию с фиксированными стратегическими коэффициентами (0,45 / 0,35 / 0,20). Эмпирическая апробация за 2014–2024 гг. на данных российской экономики показала, что финансовая система ни разу не достигала удовлетворительной зоны стабильности и более половины периода находилась в критической зоне. Ключевым источником нестабильности выявлена хроническая разомкнутость фискального цикла. Предложенная методика демонстрирует высокую диагностическую ценность: она не просто ранжирует систему, а выявляет структурные дисбалансы и степень согласованности между подсистемами, что делает её применимой для мониторинга и выработки скоординированной макроэкономической политики.

Ключевые слова: стабильность финансовой системы; потокоцентричный подход; интегральная оценка; нормативно-эталонная логика; фискальная подсистема; денежно-кредитная система; финансовый рынок; индекс финансовой стабильности.

**FLOW-CENTRIC METHODOLOGY FOR ASSESSING FINANCIAL SYSTEM STABILITY:
AN INTEGRATED APPROACH BASED ON NORMATIVE-REFERENCE LOGIC****V.M. Savradym**

Plekhanov Russian University of Economics, Sevastopol Branch, Sevastopol, email: balvik@inbox.ru

Abstract. The article presents an original methodology for the integral assessment of financial system stability, grounded in a flow-centric paradigm and normative-reference logic. Unlike conventional approaches focused on measuring risks or the resilience of individual sectors, the proposed model evaluates the system's capacity to reproduce three key types of monetary flows: operational (fiscal subsystem), liquidity (monetary and credit system), and investment (financial market system). The methodology includes indicator normalization against economically substantiated threshold and critical values, functional-empirical weighting, and hierarchical aggregation with fixed strategic coefficients (0.45 / 0.35 / 0.20). Empirical testing using Russian economic data for 2014–2024 revealed that the financial system never reached the satisfactory stability zone and spent more than half the period in the critical zone. The chronic disconnection of the fiscal cycle was identified as the primary source of instability. The methodology demonstrates high diagnostic value: it not only ranks the system but also reveals structural imbalances and the degree of coordination among subsystems, making it suitable for monitoring and formulating coordinated macroeconomic policy.

Keywords: financial system stability; flow-centric approach; integral assessment; normative-reference logic; fiscal subsystem; monetary and credit system; financial market; financial stability index.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.11.2025

Дата принятия статьи в печать: 15.01.2026

Введение

Современные подходы к оценке состояния финансовой системы государств преимущественно ориентированы либо на прогнозирование кризисных событий, либо на измерение отдельных рисков – бюджетного дефицита, долговой нагрузки, инфляционного давления или волатильности финансовых рынков. Подобная фрагментарность приводит к подмене понятий: вместо стабильности – динамической способ-

ности системы сохранять или оперативно восстанавливать согласованность и воспроизводимость ключевых денежных потоков — в аналитической практике всё чаще фигурируют категории «устойчивости» (как сопротивления возмущениям в рамках фиксированной структуры) или «финансовой безопасности» (как защиты от внешних угроз). Такой концептуальный сдвиг ограничивает диагностическую ценность существующих методик, делая их малоприменимыми для выявления системных дисбалансов, возникающих не на уровне отдельных сегментов, а в точках взаимодействия между ними.

В условиях глубокой трансформации денежного оборота, обусловленной как структурными сдвигами в экономике, так и экзогенными шоками, возникает необходимость в инструменте, способном оценивать финансовую систему как целостную, динамичную и потокоорганизованную инфраструктуру. Именно такой задачей обусловлена разработка авторской методики интегральной оценки финансовой стабильности, базирующейся на потокоцентричной парадигме — подходе, в котором денежный поток выступает не вспомогательной переменной, а онтологической основой всей финансовой системы.

Цель исследования

Цель данной статьи — представить и обосновать методологию, позволяющую количественно оценить стабильность финансовой системы как способность к воспроизводству трёх ключевых типов денежных потоков: фискальных (операционных и долговых), кредитно-денежных (ликвидностных) и рыночных (инвестиционно-трансформационных). В отличие от традиционных композитных индексов, предложенная модель сочетает нормативно-эталонную логику (с чётким разграничением пороговых и критических значений), функционально обоснованное взвешивание подсистем и иерархическую агрегацию, обеспечивающую как целостную оценку, так и точечную диагностику источников нестабильности.

Методика апробирована на данных российской экономики за период 2014–2024 гг. — десятилетие, ознаменовавшееся беспрецедентным внешним давлением и внутренней адаптацией финансовой архитектуры. Эмпирические результаты подтверждают, что стабильность российской финансовой системы носит операционно-функциональный, но структурно уязвимый характер, что невозможно выявить в рамках секторальных или сальдовых подходов.

Результаты исследования

Обзор существующих подходов и их ограничения

Современная методологическая база интегральной оценки финансовой стабильности включает множество подходов, различающихся как по логике нормирования индикаторов, так и по способу их агрегации. В рамках систематизации можно выделить пять ключевых направлений: экстремально-статистические, линейно-взвешенные, нормативно-эталонные, вероятностно-рисковые и сигнальные модели. Ни один из них в чистом виде не обеспечивает одновременно устойчивости к расширению временного ряда, иерархической структуры, экономической содержательности порогов и адекватной интерпретации стабильности как динамической способности к воспроизводству потоков.

Экстремально-статистические подходы, основанные на нормировке относительно ретроспективных минимумов и максимумов временных рядов, отличаются вычислительной простотой, но принципиально неустойчивы во времени [1, 2]. При добавлении новых данных (особенно в условиях высокой волатильности) границы нормирования смещаются, что ведёт к пересчёту всей исторической траектории индекса — нарушению требования сопоставимости. Кроме того, такой подход игнорирует экономическое содержание экстремумов: минимальное значение индикатора может соответствовать стагнации, а максимальное — «перегреву» без системного кризиса.

Линейные взвешенные модели, в частности методика М.И. Кротова и В.И. Мунтияна [3], предлагают гибкую иерархическую архитектуру и используют экономически обоснованные пороги (для стимуляторов, дестимуляторов и оптимально ориентированных индикаторов). Однако веса индикаторов и подсистем в этих моделях, как правило, назначаются экспертно и статично, не отражая изменчивости функциональной значимости подсистем в разных режимах (например, рост роли фискальной сферы в пандемию или санкционные периоды). Кроме того, линейная компенсация рисков может маскировать несовместимые угрозы, которые не поддаются взаимозамещению (например, критический валютный дисбаланс не компенсируется высокой прибыльностью банковского сектора).

Нормативно-эталонные и зонные модели, представленные в работах С.Н. Митякова и Е.С. Митякова [4], наиболее близки к логике потокоцентричной оценки: они опираются на содержательно заданные референсные значения и учитывают траекторию индикатора — тренд, волатильность, эластичность.

Особенно ценен переход от бинарной логики «в зоне/вне зоны» к градуальной оценке степени отклонения. Однако сложность калибровки нелинейных функций и трудности интеграции в иерархическую агрегацию (особенно при использовании разных функций для разных подсистем) ограничивают их применимость в рамках трёхуровневой структуры (индикатор → подсистема → система).

Вероятностно-рисковые и скоринговые подходы, такие как системная Z-оценка Л. Лаевена и Ф. Валенсии [5] или адаптированная модель Э. Альтмана [6], ориентированы на прогнозирование кризисов, а не на диагностику текущего состояния. Z-оценка, например, охватывает только банковский сектор, игнорируя фискальные и рыночные потоки, хотя именно их согласованность определяет стабильность финансовой системы в целом. Модели Альтмана, даже при макроадаптации, редко включают динамический анализ траектории и не обеспечивают иерархической структуры.

Наконец, сигнальные подходы, разработанные П.В. Труниным и М.В. Каменских [7], эффективны для раннего предупреждения, но не формируют градуальную оценку стабильности: в «спокойные» периоды индекс сигналов может быть нулевым, что не позволяет различать, например, «стабильное» и «напряжённое» состояния. Более того, оптимальные пороги срабатывания зависят от набора исторических кризисов и требуют перекалибровки при появлении новых шоков (например, 2014 или 2022 гг.), что снижает устойчивость методики.

Таким образом, существующие подходы либо игнорируют системную природу финансовой стабильности, либо не учитывают согласованность трёх ключевых потоковых доменов, либо ограничены прогнозированием, а не диагностикой. Это подтверждает необходимость синтеза — создания методики, сочетающей устойчивую нормативную логику, иерархическую агрегацию и функционально обоснованное взвешивание.

Описание методики

Предлагаемая методика интегральной оценки стабильности финансовой системы представляет собой оригинальный синтез нормативно-эталонной логики, потокоцентричной парадигмы и иерархической агрегации, сконструированный для диагностики стабильности как динамической способности системы к воспроизводству ключевых денежных потоков. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на «отсутствие риска» или «сопротивление шокам», данный инструмент фокусируется на согласованности трёх функциональных доменов: фискального (операционный поток), денежно-кредитного (ликвидностный поток) и рыночного (инвестиционный поток). Стабильность системы в целом определяется не только внутренней стабильностью каждой подсистемы, но и их взаимной поддержкой и сбалансированностью.

Методика реализуется в пять этапов:

- 1) нормировка индикаторов относительно экономически содержательных пороговых и критических значений;
- 2) обоснование весов на основе структурной функции индикатора и эмпирической уязвимости;
- 3) расчёт субиндексов по трём подсистемам с использованием таблицы индикаторов;
- 4) интерпретация результатов по пятизонной шкале;
- 5) иерархическая агрегация в общий индекс финансовой стабильности с фиксированными стратегическими весами подсистем.

Нормировка: содержательные ориентиры вместо ретроспективы

Нормировка частных индикаторов осуществляется не относительно исторических экстремумов, а на основе двух экономически обоснованных уровней: порогового (граница напряжённой, но управляемой зоны) и критического (граница системного риска). Такой подход обеспечивает устойчивость к расширению временного ряда и интерпретируемость в терминах функциональной способности системы.

Все индикаторы классифицируются как стимуляторы (рост усиливает стабильность) или дестимуляторы (рост ослабляет стабильность). Для каждого типа применяется кусочно-линейная функция, отображающая исходное значение в интервал [0; 1]:

а) для стимуляторов:

$$x^{\text{норм}} = \begin{cases} 0, & x \leq x^{\text{КРМ}} \\ 0,6 \cdot \frac{x - x^{\text{КРМ}}}{x^{\text{ЛРЗ}} - x^{\text{КРМ}}}, & x^{\text{КРМ}} < x \leq x^{\text{ЛРЗ}} \\ 0,6 + 0,4 \cdot \frac{x - x^{\text{ЛРЗ}}}{x^{\text{ЛРЗ}}}, & x > x^{\text{ЛРЗ}} \end{cases}$$

где x — фактическое значение индикатора;

$x_{\text{крит}}$ — критическое значение (ниже/выше которого начинается угроза системного сбоя);

$x_{\text{прг}}$ — пороговое значение (граница перехода из напряжённой в управляемую зону);

б) для дестимуляторов — аналогично, с инверсией неравенств.

Значение 0 соответствует утрате способности к воспроизводству потока, 0,6 — переходу из напряжённого состояния в управляемое, 1 — надёжному функционированию. В случае превышения нормы в «благоприятном» направлении (например, профицит бюджета при нулевом пороге дефицита) индикатору присваивается значение 1, что отражает избыточную устойчивость без введения субъективного оптимума. Для обеспечения корректности расчётов при нулевом пороге принято считать, что любое отклонение в благоприятную сторону (рост стимулятора выше нуля или снижение дестимулятора ниже нуля) соответствует состоянию, превосходящему ожидаемую норму, и оценивается как идеальное ($x = 1$).

Обоснование весов: структурная функция и эмпирическая уязвимость

Веса индикаторов внутри подсистем не назначаются экспертно и не выводятся статистически. Они обосновываются синтезом двух критериев:

— структурной функцией индикатора в воспроизводстве потока (буферные индикаторы и маркеры разрыва цикла получают повышенный вес);

— эмпирической уязвимостью — частотой и глубиной погружения в критическую зону на ретроспективе.

Этот подход обеспечивает соответствие весов реальным источникам дисбаланса, а не теоретической важности показателя.

Субиндексы: три потоковых домена и таблицы весов

Методика формирует три субиндекса, каждый из которых рассчитывается по формуле:

$$I_{\text{подсист}} = \sum_{i=1}^n w_i \cdot x_i^*,$$

где $I_{\text{подсист}}$ — интегральный показатель стабильности подсистемы;

w_i — вес i -го индикатора (сумма весов внутри подсистемы равна 1);

x_i^* — нормированное значение i -го индикатора.

В таблице 1 приведены значения индикаторов и весов для каждой подсистемы, обоснованные в рамках потокоцентричной логики и эмпирического анализа.

Таблица 1

Индикаторы стабильности финансовой системы в рамках структурных подсистем

Индикатор	Тип			Вес
	значение		направление	
	порог	крит		
Фискальная система				
Сбалансированность операционных потоков	< 1	≥ 5	Дестимулятор	0,25
Внебюджетная нагрузка	< 5	≥ 15	Дестимулятор	0,20
Самодостаточность страховых потоков	≥ 100	< 70	Стимулятор	0,15
Дефицит федерального бюджета	≤ 0	> 2,1	Дестимулятор	0,15
Долговая нагрузка на бюджет	< 3	≥ 8	Дестимулятор	0,10
Общая долговая нагрузка	< 20	≥ 38	Дестимулятор	0,05
Внешняя долговая уязвимость	< 10	≥ 20	Дестимулятор	0,05
Буферная ёмкость фискальной системы	≥ 10	< 5	Стимулятор	0,05
Денежно-кредитная система				
Уровень инфляции	≤ 4	≥ 13	Дестимулятор	0,30
Уровень кредитной зависимости экономики	≤ 80	≥ 100	Дестимулятор	0,30
Уровень монетизации экономики	≥ 70	< 50	Стимулятор	0,15
Внешняя ликвидность государства	≥ 25	< 15	Стимулятор	0,10
Качество кредитного потока	≤ 5	≥ 10	Дестимулятор	0,10
Направленность кредита в реальный сектор	≥ 50	< 30	Стимулятор	0,05
продолжение табл.				

продолжение табл. 1

окончание табл. 1

Система финансового рынка				
Чистый отток капитала	≤ 2	≥ 5	Дестимулятор	0,30
Степень финансовоизации экономики	≤ 60	> 100	Дестимулятор	0,30
Инвестиции в основной капитал	≥ 25	< 16	Стимулятор	0,15
Сальдо торгового баланса	≥ 8	< 2	Стимулятор	0,15
Прямые иностранные инвестиции	≤ 5	≥ 10	Дестимулятор	0,05
Диспропорция прибыльности секторов	≤ 30	> 60	Дестимулятор	0,05

Такой подход к весам — не техническая деталь, а суть новизны: вес отражает не «важность в теории», а реальный вклад в генерацию структурных дисбалансов.

Адаптация к институциональной динамике

Для обеспечения корректности на длинных рядах методика включает механизм динамической перенормировки весов: если индикатор отсутствует по объективным институциональным причинам (например, до создания ФНБ), его вес временно исключается, а оставшиеся нормируются пропорционально. Это позволяет избежать искажений, связанных с артефактами структурной эволюции.

Пятизонная шкала стабильности

Каждый субиндекс интерпретируется по единой пятизонной шкале, переосмысленной в русле потокоцентричной логики (табл. 2).

Таблица 2

Шкала стабильности финансовой подсистемы

Зона	Значение индекса	Характеристика состояния потоков
Критическая	$I \leq 0,4$	разомкнуты; система утратила способность к самовоспроизводству и требует внешнего вмешательства
Напряжённая	$0,4 < I \leq 0,6$	функционируют, но с высоким риском разрыва; базовая функциональность сохраняется, однако резервы исчерпаны
Удовлетворительная	$0,6 < I \leq 0,8$	сбалансированы, система способна к саморегуляции в пределах узкого коридора
Стабильная	$0,8 < I \leq 0,95$	гибко адаптируются к возмущениям; система демонстрирует устойчивость к умеренным шокам
Оптимальная	$I > 0,95$	избыточно устойчивы; система обладает максимальной манёвренностью и антикризисным потенциалом

Выбор именно этих границ обусловлен как методологической традицией, так и эмпирической реалистичностью:

- 0,4 соответствует уровню, при котором более половины индикаторов подсистемы находятся в критической зоне;
- 0,6 — граница утраты операционных резервов;
- 0,8 — порог перехода к стабильному состоянию;
- 0,95 — узкая, но диагностически значимая зона максимальной стабильности.

Данная шкала позволит не только оценить уровень стабильности, но и выявить дисбалансы во взаимодействии подсистем: например, напряжённая фискальная сфера на фоне стабильного финансового рынка указывает на структурную уязвимость, которая остаётся скрытой при агрегированном взгляде.

Итоговая агрегация: стратегические веса подсистем

На итоговом этапе рассчитывается общий индекс финансовой стабильности (ИФС) как взвешенная сумма субиндексов:

$$I_{ФС} = 0,45 \cdot I_{фиск} + 0,35 \cdot I_{ДКС} + 0,20 \cdot I_{СФР},$$

где $I_{фиск}$, $I_{ДКС}$, $I_{СФР}$ — субиндексы фискальной, денежно-кредитной и рыночной подсистем соответственно;

коэффициенты (0,45; 0,35; 0,20) — фиксированные стратегические веса, отражающие потенциал генерации системного риска каждой подсистемой в условиях российской экономики.

Веса фиксированы и отражают потенциал генерации системного риска в условиях российской экономики:

- Фискальная система (0,45) – наибольший потенциал трансляции дисбалансов (через госдолг, внебюджетные обязательства, зависимость от нефтегазовых доходов);
- ДКС (0,35) – хроническая инфляция и перекредитованность создают скрытую, но структурную уязвимость;
- СФР (0,20) – спекулятивные риски ограничены, но требуют учёта как канала передачи волатильности.

Предложенная методика представляет собой концептуальный и инструментальный вклад в методологию оценки финансовой стабильности. Её новизна заключается не в отдельных технических элементах, и не только в технической модификации известных подходов, но и в концептуальном сдвиге: от оценки «безопасности» к диагностике способности к воспроизводству денежных потоков, а также в синтезе:

- отказе от ретроспективных экстремумов в пользу содержательных порогов;
- замене экспертных весов на функционально-эмпирические;
- переосмыслении агрегации как отражения согласованности потоков, а не суммы рисков.

Также отметим, что предложенная методика формирует научно обоснованный и практически применимый инструмент, позволяющий выйти за пределы фрагментарного анализа и оценить финансовую систему как единую, динамичную и потокоорганизованную структуру.

Ключевое преимущество методики – её диагностическая глубина: она не просто ранжирует систему по шкале «надёжно/рискованно», а выявляет точные источники структурной уязвимости и степень согласованности между подсистемами. Это делает её незаменимой как для мониторинга, так и для выработки скоординированной макроэкономической политики.

Более того, методика обладает высокой степенью прозрачности и воспроизводимости: все пороги обоснованы, все веса открыты, все формулы линейны. Это позволяет не только применять её к российской экономике, но и адаптировать для других стран с переходной моделью развития.

На основе разработанной методики в следующем разделе исследования предложена её эмпирическая апробация за 2014–2024 гг., что позволяет не только продемонстрировать её работоспособность, но и выявить устойчивые дисбалансы в российской финансовой системе, оставшиеся незамеченными в рамках секторального анализа.

Эмпирическая апробация методики

Для апробации разработанной методики использованы официально публикуемые статистические данные за период 2014–2024 гг.: Росстат [8], Министерство финансов РФ [9], Банк России [10] и Московская биржа [11]. Эти источники обеспечивают полноту и достоверность показателей, формирующих три ключевых потоковых домена – фискальный, денежно-кредитный и рыночный. На их основе были последовательно рассчитаны нормированные значения индикаторов и сформированы субиндексы стабильности трёх потоковых подсистем (табл. 3).

Таблица 3

Нормированные индикаторы и субиндексы стабильности финансовой системы, 2014–2024 гг.

Подсистема / Индикатор	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Фискальная система											
X1. Дефицит федерального бюджета	0,479	0	0	0,186	1	1	0	1	0	0,077	0,107
X2. Сбалансированность операционных потоков	0,404	0	0	0	1	1	0	1	0	0	0
X3. Долговая нагрузка на бюджет	0,626	0,562	0,506	0,442	0,381	0,479	0,548	0,435	0,447	0,321	0,265
X4. Внебюджетная нагрузка	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
X5. Самодостаточность страховых потоков	0	0	0	0	0	0,039	0	0,831	0	0,010	0,010
X6. Общая долговая нагрузка	0,739	0,736	0,740	0,748	0,757	0,752	0,648	0,689	0,709	0,71	0,711

продолжение табл. 3

окончание табл. 3

X7. Внешняя долговая уязвимость	0,845	0,825	0,855	0,875	0,868	0,876	0,844	0,868	0,897	0,892	0,895
X8. Буферная ёмкость фискальной системы	0,672	0,627	0,147	0	0	0,251	0,703	0,603	0,198	0,214	0,109
Субиндекс фискальной стабильности	0,348	0,166	0,138	0,153	0,519	0,548	0,165	0,676	0,135	0,136	0,130
Денежно-кредитная система											
X9. Уровень инфляции	0,11	0,006	0,507	0,749	0,583	0,696	0,539	0,307	0,071	0,372	0,232
X10. Уровень монетизации экономики	0	0	0	0	0	0	0,134	0	0,075	0,173	0,249
X11. Внешняя ликвидность государства	0,223	0,632	0,673	0,64	0,652	0,724	0,838	0,747	0,611	0,674	0,647
X12. Качество кредитного потока	0,625	0,398	0,394	0,41	0,491	0,399	0,391	0,576	0,671	0,735	0,745
X13. Направленность кредита в реальный сектор	0,614	0,624	0,535	0,484	0,494	0,487	0,63	0,611	0,592	0,637	0,646
X14. Уровень кредитной зависимости экономики	0	0	0	0,005	0	0,058	0,043	0	0,159	0,058	0,128
Субиндекс ДКС	0,148	0,136	0,286	0,355	0,314	0,363	0,349	0,255	0,238	0,328	0,317
Система финансового рынка											
X15. Инвестиции в основной капитал	0,106	0,048	0,082	0,097	0,075	0,109	0,196	0,083	0,140	0,22	0,244
X16. Прямые иностранные инвестиции	0,887	0,930	0,767	0,868	0,936	0,848	0,944	0,832	1,054	0,964	0,988
X17. Чистый отток капитала	0	0,035	0,758	0,881	0,078	1	0,343	0,332	0	0,406	0,385
X18. Сальдо торгового баланса	0,449	0,608	0,319	0,329	0,699	0,564	0,313	0,669	0,848	0,223	0,231
X19. Диспропорция прибыльности секторов	0,813	0,96	0,9	0,88	0,890	0,858	0,824	0,893	0,986	0,86	0,82
X20. Степень финансово-мизации экономики	0,399	0,272	0,024	0,231	0,226	0,077	0,185	0,083	0,689	0,614	0,693
Субиндекс СФР	0,288	0,285	0,378	0,485	0,299	0,509	0,323	0,324	0,457	0,464	0,485

Данные таблицы 3 свидетельствуют о структурной фрагментации финансовой системы. Ни одна из трёх подсистем за десятилетие не достигла удовлетворительной зоны ($\geq 0,6$) на устойчивой основе. Максимальные значения носят точечный и конъюнктурный характер. Так, фискальная подсистема демонстрирует пик в 2021 г. (0,676), обусловленный нефтяным профицитом, но уже в 2022–2024 гг. возвращается в критическую зону (0,130–0,136). Аналогично, субиндекс ДКС ни разу не пересек порог 0,4, несмотря на высокую внешнюю ликвидность и стабильный кредитный поток. Это указывает на хроническую структурную нестабильность, связанную с волатильной инфляцией, низкой монетизацией и формализацией денежных потоков.

Особое внимание заслуживает динамика двух ключевых индикаторов фискальной сферы: «дефицит федерального бюджета» и «сбалансированность операционных потоков». Оба индикатора в 2022–2024 гг. находятся в критической зоне (значения 0), что свидетельствует о разомкнутости операционного цикла — системная уязвимость, не зависящая от присутствия ФНБ или уровня госдолга.

В денежно-кредитной сфере устойчиво низкие значения уровня монетизации ($X_{10} = 0$ в 2014–2019 гг., не превышает 0,25 даже в 2024 г.) и кредитной зависимости ($X_{14} = 0$ или около нуля на протяжении всего периода) указывают на искажённую структуру ликвидности: экономика функционирует, но не через внутренние денежные потоки, а за счёт внешних доходов и административных мер.

На рынке капитала ключевой дисбаланс проявляется в сочетании: степень финансово-мизации (резкое снижение с гиперперегрева 106% в 2019 г. до стабильной зоны 46–58% в 2022–2024 гг.) при устойчивом чистом оттоке капитала, который в 2022–2024 гг. вновь приблизился к критическому уровню (3,1–3,8% ВВП). Это говорит о том, что рост капитализации не сопровождается ростом доверия — рынок функционирует как спекулятивный центр, а не как механизм трансформации сбережений в инвестиции.

Таким образом, субиндексы позволяют поставить точный диагноз: российская финансовая система — операционно функциональная, но структурно разомкнутая. Её стабильность обеспечивается не воспроизводимостью потоков, а конъюнктурной устойчивостью внешних доходов и институциональным буфером (ФНБ, ЗВР). Как только эти внешние опоры ослабевают, система мгновенно погружается в критическую зону.

На основе трёх субиндексов был рассчитан общий интегральный индекс стабильности финансовой системы (ИФС), представленный в таблице 4.

Таблица 4

Интегральный индекс стабильности финансовой системы (ИФС) и интерпретация по пятизонной шкале, 2014–2024 гг.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ИФС	0,266	0,179	0,238	0,290	0,403	0,475	0,261	0,458	0,235	0,269	0,266
Критическая зона (< 0,4)	✓	✓	✓	✓	—	—	✓	—	✓	✓	✓
Напряжённая зона (0,4–0,6)	—	—	—	—	✓	✓	—	✓	—	—	—
Удовлетворительная зона и выше (≥ 0,6)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Данные таблицы 4 подтверждают ключевой вывод эмпирической апробации: российская финансовая система ни разу за 2014–2024 гг. не вышла из напряжённой зоны, и более половины периода (8 из 11 лет) находилась в критической зоне. Даже пиковые значения — 0,475 в 2019 г. и 0,458 в 2021 г. — не достигают порога удовлетворительной стабильности (0,6). Это опровергает распространённое в экспертной среде представление о «восстановлении» в указанные годы: формальные признаки стабильности (профицит бюджета, рост ФНБ, торговый профицит) маскируют глубокую несогласованность потоковых доменов.

Более того, динамика ИФС демонстрирует цикличность, обусловленную внешней конъюнктурой, а не внутренними механизмами воспроизводства. Подъёмы совпадают с периодами высоких цен на энергоносители (2018–2019, 2021), а спады — с санкционными волнами (2014–2015, 2022). Это свидетельствует о том, что система остаётся внешнезависимой, а не автономной.

Завершая эмпирическую апробацию, подчеркнём: разработанная методика успешно прошла проверку на обоснованность, репрезентативность и диагностическую ценность. Она не просто констатирует нестабильность, а выявляет её структурные источники: хроническую разомкнутость фискального цикла, волатильность инфляционного потока и устойчивый отток капитала. Более того, методика позволяет чётко разделять краткосрочные улучшения, вызванные благоприятной конъюнктурой, и подлинную стабильность, основанную на согласованности и воспроизводимости потоков. Именно эта способность — переход от поверхностной оценки к глубинной диагностике — делает предложенный подход ценным инструментом как для мониторинга, так и для разработки скоординированной макроэкономической политики.

Выводы

Представленная авторская методика интегральной оценки стабильности финансовой системы представляет собой концептуальный и методологический сдвиг в сторону потокоцентричной парадигмы. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на измерение рисков, устойчивости или безопасности, она фокусируется на способности системы к воспроизводству трёх ключевых типов денежных потоков: операционных (фискальный домен), ликвидностных (денежно-кредитный домен) и инвестиционных (рыночный домен). Именно эта способность — а не отсутствие дефицита, низкий долг или высокие резервы — является содержательным критерием подлинной стабильности.

Методика синтезирует лучшие элементы существующих подходов, устраняя их ключевые ограничения:

- вместо ретроспективных экстремумов используются экономически обоснованные пороговые и критические значения;
- вместо экспертных весов применяется функционально-эмпирическое обоснование, отражающее реальный вклад индикатора в генерацию структурных дисбалансов;
- вместо формальной агрегации реализуется иерархическая диагностика, позволяющая выявлять не только общий уровень стабильности, но и точные источники уязвимости.

Эмпирическая апробация за 2014–2024 гг. подтвердила как работоспособность, так и высокую диагностическую ценность разработанного инструментария. Главный вывод — российская финансовая система ни разу за десятилетие не вышла из напряжённой зоны, а более половины периода находилась в критической зоне. Это опровергает распространённые тезисы о «структурной устойчивости» и демонстрирует, что внешние успехи маскируют глубокую внутреннюю разомкнутость потоков, в первую очередь, хроническую несбалансированность операционного цикла фискальной системы.

Таким образом, методика не просто ранжирует систему по шкале «стабильно/нестабильно», а выявляет структуру, а не симптомы. Она позволяет различать «конъюнктурную устойчивость» (временное улучшение на фоне благоприятной внешней конъюнктуры) и подлинную «стабильность» (воспроизводимость и согласованность потоков в любых условиях). Именно эта способность делает предложенный подход ценным инструментом для:

- макроэкономического мониторинга — с возможностью ранней диагностики дисбалансов на уровне взаимодействия подсистем;
- разработки скоординированной политики — поскольку показывает, какие домены требуют синхронной коррекции;
- международного сопоставления — при адаптации к особенностям других стран с переходной моделью развития.

В перспективе методика может быть модифицирована для оперативного мониторинга в реальном времени, а также дополнена сценарным блоком, позволяющим оценивать устойчивость финансовой системы к заданным шокам. Однако даже в текущем виде она представляет собой научно обоснованный, прозрачный и диагностически значимый инструмент, способный существенно повысить качество анализа и управления финансовой стабильностью.

Литература

1. Ключеникова Е.В., Шитова Е.М. Методические подходы к расчету интегрального показателя, методы ранжирования // ИнноЦентр. 2016. № 1 (10). EDN: YHWMIL.
2. Попова И.Н., Зинцова М.В. Методика определения интегрального показателя конкурентоспособности розничных торговых сетей // Науковедение. 2015. Т. 7. № 1. DOI: 10.15862/01EVN115 EDN: UBGRRN.
3. Кротов М.И., Мунтиян В.И. Экономическая безопасность России: Системный подход. СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. 336 с. ISBN: 978-5-98217-095-8 EDN: XWHPRZ.
4. Митяков С.Н., Митяков Е.С. Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 5. С. 83-113. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_83_113 EDN: DRMHNE.
5. Laeven L., Valencia F. Systemic Banking Crises: A New Database // IMF Working Paper. 2008. № WP/08/224.
6. Altman E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // The Journal of Finance. 1968. Vol. 23. № 4. P. 589-609.
7. Трунин П.В., Каменских М.В. Мониторинг финансовой стабильности в развивающихся экономиках (на примере России). М.: ИЭПП, 2007. 106 с. EDN: PWOVQL.
8. Росстат РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 17.11.2025).
9. Министерство финансов РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения 17.11.2025).
10. Банк России. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения 17.11.2025).
11. Московская биржа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moex.com> (дата обращения 17.11.2025).